

Филипп Некрашевич

(Минск, Республика Беларусь)

Кандидат исторических наук

Кафедра философии и идеологической работы Академии Министерства
внутренних дел Республики Беларусь

E-mail: filippnekrasevic@gmail.com

ORCID: 0000-0003-3383-5007

Уклонения евреев от рекрутской повинности на примере Витебской губернии (1827–1856 гг.)

Аннотация: Статья посвящена определению механизмов и средств уклонения евреев от военной службы в Витебской губернии Российской империи в период 1827–1856 гг. Распространение в 1827 г. рекрутской повинности на евреев Российской империи предсказуемо было крайне негативно воспринято последними. Нежелание евреев вступать в ряды российской армии привело к появлению разнообразных способов уклонения от рекрутской повинности. В статье предпринята попытка систематизировать все механизмы уклонения от военной службы, которые использовались евреями Витебской губернии. Кроме того, внимание уделено анализу борьбы евреев против притеснений при исполнении рекрутской повинности, а также роли российской администрации в вопросах соблюдения законности. Исследование основано на ранее неопубликованных материалах, выявленных в фондах Национального исторического архива Республики Беларусь.

Ключевые слова: евреи, рекрутская повинность, уклонение от военной службы, Витебская губерния, *хаперы*

DOI: 10.31168/2658-3364.2021.2.03

Распространение рекрутской повинности на евреев Российской империи стало одним из важнейших событий в истории диаспоры в XIX в. Военная служба положила начало противоречивому и мучительному процессу модернизации еврейских общин. При этом применение рекрутской повинности постоянно сопровождалось нарушениями законности, многочисленными конфликтами между евреями и российскими властями, а также беспорядками внутри самих общин.

Нежелание служить в армии неминуемо порождало среди многих потенциальных новобранцев стремление всеми возможными способами

уклониться от рекрутской повинности. Евреи не являлись исключением из этой общей тенденции, и многие представители общины шли на различные уловки для сохранения привычного уклада жизни. В историографии, посвященной уклонению евреев от рекрутской повинности, принято выделять два основных сюжета. Во-первых, среди исследователей доминирует точка зрения о том, что процесс отбора евреев в армию был тесно связан с коррупцией как среди российских чиновников, так и среди руководителей еврейских общин [Penslar 2013, 31]. Иными словами, в российскую армию в итоге попадали те, кто не имел возможности откупиться от военной службы. Во-вторых, интерес историков направлен на изучение еврейской коллективной памяти периода Российской империи и непосредственно деятельности *хаперов* – лиц, которые похищали детей и насильно отдавали последних в рекруты [Ofek 1993, 277–278]. Все это свидетельствовало о массовом нежелании евреев служить в армии, а также о неспособности властей кардинально изменить ситуацию и внести порядок в организацию рекрутских наборов.

Тем не менее в историографии уделено немного внимания анализу конкретных механизмов уклонения от рекрутской повинности. Взятки и похищения детей являлись лишь верхушкой айсберга различных преступных схем. Например, похищенного *хаперами* ребенка следовало официально приписать к иной семье, чтобы сохранить видимость «законности» такого набора. Взятка, полученная руководством *кагала* или чиновниками рекрутского присутствия, приводила к оформлению поддельных документов, официально освобождавших взяткодателя от военной службы.

Целью исследования является выявление механизмов уклонения евреев от рекрутской повинности в Витебской губернии в 1827–1856 гг. на основе материалов Национального исторического архива Республики Беларусь (далее – НИАБ). Выбор географических границ обусловлен сохранностью архивных материалов по теме исследования. Среди пяти белорусских губерний (Виленская, Витебская, Гродненская, Минская, Могилевская) наиболее репрезентативные материалы сохранились по Витебскому региону. Изучение материалов Витебской губернии позволит дать более полное представление об уклонениях евреев от рекрутской повинности на территории белорусских губерний.

В качестве нижней хронологической границы исследования избран 1827 г. – время распространения рекрутской повинности на евреев Российской империи. Верхняя граница исследования определяется окончанием Крымской войны (1853–1856 гг.), когда были проведены последние рекрутские наборы в дореформенной Российской империи. В 1857–1862 гг. рекрутские наборы в стране не проводились. Наборы 1863–1874 гг. проводились в условиях масштабных реформ во всех сферах жизни общества и поэтому должны быть предметом отдельного исследования.

Под механизмом уклонения от рекрутской повинности в данной статье понимается комплекс противоправных действий гражданских лиц, направленных на свое официальное освобождение от обязанности поступления на военную службу. К таким механизмам следует отнести побег, членовредительство, подделку документов о составе семьи и незаконное использование льгот, дающих право на освобождение от рекрутской повинности. Составной частью механизмов являлись противозаконные средства, которые способствовали уклонению от военной службы. Они играли важную роль в реализации механизмов уклонения от рекрутской повинности, но сами по себе не решали проблему. К наиболее распространенным средствам относятся взятки и похищения детей.

Помочь уклониться от военной службы могли лица, ответственные за рекрутский набор в общинах. Согласно «Уставу рекрутской повинности и военной службе евреев» 1827 г. (далее Устав 1827 г.) и «Уставу Рекрутскому 1831 г.» (далее Устав 1831 г.), мещане каждого города составляли отдельный рекрутский участок. В каждом участке определение семей, обязанных поставить новобранца в армию, осуществлялось на основе рекрутской очереди. Ответственность за формирование этой очереди и исполнение рекрутской повинности лежала на самих еврейских обществах, которые избирали для этих целей от трех до шести поверенных. Назначенные обществом для поступления в армию молодые люди поступали затем в рекрутское присутствие. Функции рекрутских присутствий заключались в проверке законности представления людей и годности их к военной службе [ПСЗРИ, Т. 2, № 1330; Т. 6, № 4677].

Механизмы уклонения от рекрутской повинности

Наиболее распространенным способом избежать службы в армии являлась попытка скрыться от властей. В одиночку или же целыми семьями евреи, состоящие на очереди, бежали в другие населенные пункты подальше от рекрутского присутствия, в которое они должны были поступить на службу. Популярности побегов косвенно способствовала политика руководства еврейских общин в области налогообложения. Принято считать, что общины сознательно занижали свою официальную численность с целью уменьшения налоговых выплат [Барталь 2007, 60]. Наличие в городе или местечке в черте оседлости сравнительно большого числа евреев без паспорта (несмотря на усилия властей этому препятствовать) было привычным явлением. Поэтому задача спрятать от властей беглецов не выглядела неразрешимой. Если община не могла найти беглецов в нужные сроки, то рекрутскую повинность приходилось отбывать стоящим следующим на очереди мещанам. Необходимо понимать, что беглец не мог скрываться всегда. Порой бегство давало

возможность отсрочить призыв, но не решало проблему окончательно, так как скрываться на протяжении десяти и более лет было крайне тяжело. Однако выигранное время позволяло придумать решение проблемы, законное или незаконное.

При проведении наборов массовые побег не желающих служить в армии мещан приводили к существенному изменению рекрутской очереди. Так, в начале 1837 г. семейство Израиля Мойшевича Свердлова находилось на одиннадцатой позиции в списке рекрутской очереди полоцкого кагала. Вскоре Свердловы переместились на пятую позицию, так как шесть вышестоящих семейств перед началом набора покинули город и скрылись в неизвестном направлении. Так как беглецов вовремя не нашли, сын Израиля Гершом был принят в ряды 2-й пехотной дивизии российской армии [НИАБ, Ф. 1430, Оп. 1, Д. 6599]. Похожая ситуация имела место в 1844 г. в г. Витебске при проведении 5-го частного набора. Из 45 семейств местного еврейского общества, которые должны были поставить новобранцев в рекрутское присутствие, 12 находились в бегах [НИАБ, Ф. 2606, Оп. 1, Д. 35]. Порой руководство общин само содействовало бегству отдельно взятых людей. Например, в октябре 1847 г. велижский уездный стряпчий Кладницкий выяснил, что местное еврейское общество выдавало стоявшим на рекрутской очереди евреям паспорта, дающие право на законную отлучку из города, уже после официального объявления о проведении набора [НИАБ, Ф. 1430, Оп. 1, Д. 14731].

Массовые бегства жителей с мест официальной приписки были головной болью не только для российской администрации, но и для руководства еврейских общин. Такой способ уклонения от призыва не требовал ни знания уловок в законодательстве, ни возможности дать взятку, а значит был доступен каждому. Если бедный еврей, не желающий идти в армию, понимал, что община не будет его защищать, ему оставалось только бежать. Поиском беглецов занимались не только полиция и руководство общин, но и рядовые евреи. Например, в 1855 г. суражская еврейская община собиралась отдать в рекруты сына Залмана Мойшевича Еруховича — Пинхаса. Несмотря на то, что семья З. Еруховича не состояла на рекрутской очереди, община поставила его перед выбором: либо его сын поступает на военную службу, либо он самостоятельно должен разыскать в Могилевской губернии суражского мещанина Шмуилу Межева, скрывавшегося от рекрутской повинности. Старания З. Еруховича не увенчались успехом, и его сын поступил на военную службу по общему набору 1855 г. Лишь спустя несколько лет справедливость восторжествовала и Пинхас вернулся домой к отцу [НИАБ, Ф. 1416, Оп. 2, Д. 10708].

Распространенным способом уклониться от военной службы было членовредительство. Мещане умышленно наносили себе увечья, при осмотре врачами их браковали. По наблюдению офицеров IV округа

жандармского корпуса, большинство уклонистов наносили себе увечья, удаляя несколько зубов подряд [ГАРФ, Ф. 109, Оп. 3, № 2316]. Встречались и более радикальные методы. Так, некоторым детям, которых ожидала отправка в кантонисты, отрезали указательные пальцы [Локшин 2012]. Порой мещане шли на разного рода ухищрения с целью симулировать болезнь или увечье и тем самым избежать военной службы. В такой ситуации все зависело от проворности уклониста и квалификации врачей рекрутского присутствия.

Устав 1827 г. устанавливал жесткие санкции в отношении членовредителей. Если мещанин хотел избежать военной службы из-за увечья, ему необходимо было доказать, что травма получена не специально. В противном случае членовредитель отправлялся в армию без зачета, а его семейство должно было поставить еще одного рекрута [ПСЗРИ, Т. 2, № 1330].

Нередко членовредительство было связано с побегам: не имея больше возможностей скрываться от армейской службы, люди сознательно калечили себя (и наоборот). Например, велижский мещанин Хаим Краскин в 1838–1840 гг. трижды скрывался от рекрутских наборов. Затем, надеясь навсегда избавиться от военной службы, он повредил себе указательный палец. Тем не менее повреждение оказалось незначительным и в 1842 г. Х. Краскин был принят в ряды российской армии [НИАБ, Ф. 1430, Оп. 1, № 9811].

Членовредительство было распространено в основном среди бедных евреев. Уклонение от военной службы в среде наиболее зажиточных и влиятельных членов общины было связано, в первую очередь, с подделкой документов, касавшихся исполнения рекрутской повинности. Условно эти противозаконные манипуляции можно разделить на три группы: фиктивное изменение состава семейств, причисление мещан к иным категориям населения, которых можно сдавать в рекруты вне очереди, а также появление «мертвых душ» в рекрутских очередных книгах.

Основным принципом раскладки рекрутской повинности был учет благосостояния семейств, входящих в общину. Так как благосостояние семьи зависело главным образом от количества рабочих рук, то в рекруты сдавались в основном люди из так называемых многорабочих семейств, которым не грозило разорение при утрате одного из своих членов [Иванов 2017, 33–34]. Именно из этого принципа исходило руководство общин при подделке и изменении документов, касавшихся проведения рекрутского набора. Например, руководство общины могло соединить по документам людей из нескольких малых родственных семейств в одну большую семью. Из полученного «большого» семейства и выбирали будущего рекрута. Подобная схема была распространена среди всех податных слоев Российской империи, в том числе и у евреев. Жертвой такого сценария в 1842 г. стал Ниссан Кимельман. Витебское еврейское

общество причислило его к семье дяди, чтобы отдать затем на военную службу [НИАБ, Ф. 1430, Оп. 1, Д. 9660].

Бывали и обратные ситуации, когда руководству общины было выгодно изъять с рекрутской очереди большое семейство. В таком случае по документам семья разделялась на несколько небольших семейств, что позволяло переместить их в конец рекрутской очереди. В 1850 г. 40 мещан Витебска подали генерал-губернатору Витебскому, Могилевскому и Смоленскому А. М. Голицыну коллективную жалобу на незаконные действия местного еврейского общества. По словам просителей, руководство общины на протяжении 23 лет незаконно разделяло большие зажиточные семейства на маленькие, из-за чего жертвами рекрутской повинности становились бедные жители города [НИАБ, Ф. 1430, Оп. 1, Д. 20453].

Иногда руководство общин приписывало к семействам совершенно посторонних лиц. Семейство, к которому приписывался мещанин, на бумаге выполняло свои обязательства по поставке рекрутов. При этом семейство, из которого человек был выписан, все еще оставалось на рекрутской очереди и должно было предоставить еще одного новобранца при последующих наборах. Например, в декабре 1841 г. витебский мещанин Абрам Позин обнаружил, что его сын Йосеф в 1833 г. был записан на службу в российскую армию под чужой фамилией. Абраму пришлось добиваться справедливости, чтобы на военную службу не забрали и его второго сына [НИАБ, Ф. 1430, Оп. 1, Д. 9388].

Помимо мещан, стоящих на очереди в рекрутской очередной книге, еврейские общества имели право отдавать вне очереди на военную службу лиц, совершивших проступки, бродяг и неплательщиков податей. Иными словами, в рекруты можно было отдавать тех, кто не приносит пользу обществу. Бывали случаи, когда верхи еврейских общин незаконно приписывали отдельным мещанам проступки, которые давали повод отдать их в армию. В 1831 г. бабиновичское еврейское общество (Могилевская губерния) пыталось отправить в армию Нахшона Гисина, проживавшего в г. Сураже Витебской губернии, за неуплату податей. Как выяснилось позже, не только сам Н. Гисин не имел никаких задолженностей перед общиной, но и его семья годом ранее уже поставляла рекрута [НИАБ, Ф. 1416, Оп. 2, Д. 6983]. В сентябре 1853 г. в г. Велиже в кантонисты едва не угодил мальчик Ицхак Лазовский. Местное еврейское общество утверждало, что он бродяга. Своевременная жалоба матери Ицхака позволила доказать, что ее сын принадлежит к вполне приличной семье и обучается портняжному делу, а потому не может быть сдан в рекруты [НИАБ, Ф. 1430, Оп. 1, Д. 25695].

Наиболее изощренным механизмом уклонения от военной службы являлось использование «мертвых душ». Умершие члены общины продолжали числиться живыми для совершения незаконных манипуляций

при исполнении рекрутской повинности. В частности, для того, чтобы продвинуть в рекрутской очереди некоторые малые семейства, в них вписывали уже умерших людей. В связи с этим малые семейства мещан, имевших на самом деле в своем составе всего одного-двух мужчин, получали по документам большее число родственников мужского пола и обязаны были предоставить рекрута.

Так, в 1840 г. сын витебской мещанки Рэйзелы Рафаиловой Штрофовой Иссер поступил на службу в российскую армию. Свое решение кагал объяснял тем, что семейство Штрофовых, в котором по документам было четыре лица мужского пола, значилось одним из первых в рекрутской очереди. Мещанка подала жалобу на имя витебского гражданского губернатора. В ходе проверки Рэйзеле удалось документально подтвердить, что ее муж и двое сыновей скончались за несколько лет до того, как ее единственного оставшегося в живых сына забрали в армию. Тем не менее кагал не исключил умерших из своих списков и семья Штрофовых продолжала состоять на рекрутской очереди [НИАБ, Ф. 1430, Оп. 1, Д. 9320].

Бывали случаи, когда мертвые души приписывались не отдельно взятым семьям, а целым еврейским общинам. В 1820-х гг. дрисненский кагал причислил к освейскому прикагалку 38 мертвых душ. Кроме того, беднейшие семейства кагала, скрывавшиеся от рекрутской повинности, также были приписаны к этому прикагалку. Тем самым более крупная и влиятельная община максимально облегчила себе выплату налогов и исполнение рекрутской повинности за счет менее влиятельной группы евреев [НИАБ, Ф. 1416, Оп. 2, 6764].

Очевидно, что реализовать столь изощренные операции могли лишь руководители еврейских общин. Кроме того, необходимым условием успеха подобных манипуляций являлась взятка чиновникам, которые должны были следить за правильностью учета рекрутских списков. Практика использования «мертвых душ» вряд ли носила массовый характер из-за своей сложности и больших рисков разоблачения организаторов таких операций.

Российские власти прекрасно понимали, что рекрутчина тягостна настолько, что многие евреи способны пойти на самые разные ухищрения, чтобы избежать ее. Правительство предлагало несколько вариантов, позволявших легально избежать военной службы. Их можно разделить на три основные группы: замена стоящего на рекрутской очереди добровольцем, переход из иудаизма в православие и, пользуясь терминологией А. Миллера, занятие «полезными» для государства видами деятельности [Миллер 2006, 114]. К лицам, занимавшимся «полезными» для государства видами деятельности, относили евреев, получивших хорошее образование, а также земледельцев, мастеров и работников

фабрик. Каждый из этих вариантов предоставлял определенные возможности для махинаций.

Достаточно распространены были нарушения российских законов, касавшиеся поиска лиц, желавших добровольно поступить на военную службу. Устав 1831 г. вводил серьезные ограничения на замены при проведении рекрутского набора. Согласно параграфу 305 запрещалось принимать в рекруты людей, принадлежащих к другому сословию и иному городу. Более того, параграф 309 Устава 1831 г. запрещал нанимать людей из семейств, которые будут состоять на очереди при первом следующем наборе [ПСЗРИ, Т. 6, № 4677]. Многие мещане пытались обойти правила Устава 1831 г. Например, в 1854 г. Витебская городская полиция выяснила, что местная еврейская община отдала в рекруты под видом добровольца православного мужчину Василия Шостакова. При этом чиновники рекрутского присутствия не заподозрили подвоха и приняли В. Шостакова на военную службу [НИАБ, Ф. 1430, Оп. 1, Д. 26157].

Как показывают архивные материалы, некоторые евреи лишь делали вид, что занимаются «полезной» деятельностью. Осенью 1854 г. несколько еврейских семей из местечка Освея, обязанных в течение ближайшего рекрутского набора поставить новобранцев в армию, добровольно записались в земледельцы. Понятно, что род деятельности они сменили лишь формально. В действительности эти семейства продолжали зарабатывать на жизнь своими прежними занятиями. Это вызвало недовольство 24 евреев того же местечка, из-за уловки неожиданно оказавшихся в начале рекрутской очереди. Они вынуждены были обратиться к витебскому гражданскому губернатору. Инициированное властями расследование подтвердило справедливость жалобы [НИАБ, Ф. 1430, Оп. 1, Д. 26176]. Следует отметить, что это лишь единичный выявленный случай фиктивной смены профессии евреями Витебской губернии с целью избежать рекрутского набора. Это позволяет сделать вывод, что подобный механизм был мало распространен и применялся в основном бедными евреями, не имевшими иной возможности уклониться от военной службы.

Необходимыми условиями реализации всех вышеописанных механизмов являлись коррупция и халатное исполнение должностных обязанностей со стороны руководства еврейских общин и местной российской администрации. Устав 1827 г. и Устав 1831 г. предусматривали жесткий контроль со стороны чиновников за соблюдением законности при проведении рекрутских наборов. Согласно параграфу 198 Устава 1831 г. на каждом рекрутском участке мещан городской голова, рекрутский староста и все члены думы должны были освидетельствовать людей, назначенных на военную службу [ПСЗРИ, Т. 2, № 1330; Т. 6, № 4677]. Кроме того, в распоряжении рекрутских присутствий всегда находились очередные списки и копии ревизских сказок, в которых была указана вся

необходимая информация. Строгое соблюдение всех правил со стороны властей позволило бы на корню пресечь все возможные нарушения.

За каждой успешной попыткой избежать призыва на военную службу стояла халатность чиновника и, как отметил Й. Петровский-Штерн, взятка или ее блистательное отсутствие [Петровский-Штерн 2003, 54]. О том, насколько хорошо была отработана коррупционная система среди чиновников Витебской губернии, косвенно свидетельствует тот факт, что в фондах НИАБ практически отсутствуют дела, которые бы свидетельствовали о взяточничестве со стороны врачей рекрутских присутствий при приеме новобранцев из числа евреев.

Во все времена одним из самых популярных способов уклонения от военной службы являлись медицинские заключения о неудовлетворительном состоянии здоровья призывников. Очевидно, что подобный механизм должен был массово использоваться и евреями Витебской губернии. Одно из немногих выявленных дел о расследовании жалоб на работу врачей рекрутских присутствий относится к ноябрю 1844 г., когда невельские мещане стали массово жаловаться на «корыстолюбивые действия» местного врача Бартошевича. Тем не менее проверка Медицинского департамента МВД не выявила никаких нарушений [НИАБ, Ф. 1430, Оп. 1, Д. 10822]. Вполне возможно, немногочисленность выявленных фактов коррупции со стороны врачей связана с тем, что они действовали сообща с руководством еврейских общин и другими чиновниками рекрутских присутствий.

Хаперы

Отдельного внимания заслуживает рассмотрение вопроса о так называемых *хаперах* – людях, которые похищали детей и насильно отдавали их в рекруты. Похищенные дети поступали в армию в качестве бродяг либо в качестве лиц, приписанных к другим семействам. Таким образом, хаперы были участниками реализации таких механизмов уклонения от военной службы, как подделка документов о составе семейств и незаконное использование льгот, дающих право на освобождение от рекрутской повинности. По мнению Й. Петровского-Штерна, в активной деятельности хаперов были виновны не только руководство еврейских общин и рекрутские старосты, но и рядовые члены общины, которые содействовали похищению детей и не пытались бороться с этим явлением. Он связывает активную деятельность хаперов с периодом Крымской войны, когда правительство Николая I проводило усиленные рекрутские наборы [Петровский-Штерн 2003, 58].

Материалы по Витебской губернии позволяют уточнить эти выводы и поставить новые вопросы. Конкретизации требует использование

самого термина «хапер». Дело в том, что пропажи детей, которых потом направляли на военную службу, начались уже с первых рекрутских еврейских наборов. Кагалы посылали нарочных в соседние губернии с задачей найти членов общин, скрывавшихся от службы в армии. Очевидно, что нарочные применяли силу для того, чтобы доставить беглеца в рекрутское присутствие. В случае, если нарочным не удавалось разыскать скрывающихся членов общины, они все равно старались не возвратиться с пустыми руками. Они пытались найти бродяг или детей, находящихся временно без присмотра родителей. Прибегая к разным хитростям, они старались доставить жертву в свой родной город, после чего ее отдавали в рекруты.

Именно это произошло в 1830 г. с невельским мальчиком Песахом Пейсиным. Песах вместе со своим отцом Лейбой зарабатывал на жизнь погрузкой товаров на речные суда в г. Витебске. Незнакомый еврей предложил мальчику хорошо оплачиваемую разовую работу в Полоцке. С согласия отца Песах поехал в Полоцк за своим работодателем. После этого мальчик исчез. Лишь через год Лейба Пейсин узнал, что Песах поступил в кантонисты по 95-му рекрутскому набору от полоцкого еврейского общества. По словам самого мальчика, полоцкие евреи обещали ему заплатить значительную сумму за поступление в рекруты, но в итоге обманули и отправили на военную службу как бродягу [НИАБ, Ф. 1416, Оп. 2, Д. 6900].

Следует отметить, что Песах не был похищен, так как нарочные действовали не силой, а обманным путем. Однако различия между действиями хаперов времен Крымской войны и нарочных, которые увели Песаха Пейсина, незначительны. Например, в 1854 г. лепельский мещанин Лейба Левин был арестован витебской полицией по обвинению в торговле мальчиками для передачи их в рекруты. Он завлек на чердак одного из домов в Витебске малолетнего Хаима Зельвина и шесть дней насильно удерживал его взаперти, уговаривая поступить в рекруты за члена другого семейства [НИАБ, Ф. 1430, Оп. 1, Д. 26859].

И в первом и во втором случае родители категорически не хотели отдавать своих детей на военную службу. В обоих случаях агенты еврейских обществ действовали незаконным путем. Есть основания предполагать, что этот «институт» хаперов формировался постепенно. Вначале это были нарочные, которые легально, от имени кагала искали лиц, уклоняющихся от рекрутской повинности. Постепенно применяемые ими методы приобретали все более изощренный характер и все менее соответствовали действовавшему в то время законодательству. Наконец, к 1850-м гг. в связи с резким увеличением частоты рекрутских наборов появляются собственно хаперы, деятельность которых носит исключительно деструктивный характер.

В период Крымской войны случаи насильственного похищения детей в Витебской губернии значительно участились. Так, в фондах НИАБ хранится много дел, свидетельствующих об этом. Известно, например, что в 1854 г. в Динабургском уезде несколько евреев схватили сына мещанина Ави Бравермана и увезли его в Курляндскую губернию для сдачи в рекруты [НИАБ, Ф. 1416, Оп. 2, Д. 11469].

Порой в качестве хаперов выступали не только наемники из числа евреев, но даже представители российской администрации. В своей жалобе на имя витебского гражданского губернатора, датируемой октябрём 1853 г., мещанин Лейзер Аронович Фишкин утверждал, что несколько евреев совместно с тремя полицейскими напали на его дом в Витебске, забрали его сына и 25 руб. серебром [НИАБ, Ф. 1430, Оп. 1, Д. 25660]. Схожий случай произошел в Витебске в ноябре 1853 г. с евреем-земледельцем Самсоном Красильщиком. Несколько евреев в сопровождении двух полицейских ворвались в его дом с требованием отдать сына. К счастью для С. Красильщика, похитители не забрали сына, а лишь ограбили дом [НИАБ, Ф. 1430, Оп. 1, Д. 25673].

Два вышеперечисленных примера показывают, что хаперами порой являлись не отдельные евреи, которые действовали скрытно и осторожно, а достаточно большие группы людей, действующие открыто. Нападения на дома Л. Фишкина и С. Красильщика больше напоминают обычный разбой, чем хорошо спланированный киднэпнинг. Тот факт, что нападения происходили при непосредственном участии полиции, свидетельствует о сговоре между руководителями витебской еврейской общины и отдельными представителями местной администрации. Таким образом, хаперство было феноменом неоднородным как по составу участников, так и по методам, которые использовали злоумышленники.

Открытым остается вопрос о том, насколько механизмы уклонения евреев от рекрутской повинности отражали общую тенденцию в сравнении с другими социальными и национальными группами Российской империи. К сожалению, современная историография не позволяет провести полномасштабное сравнение между различными группами подданных, несших рекрутскую повинность. Одной из основных работ по данной проблематике является исследование Ф. Н. Иванова, посвященное организации рекрутской повинности в северных районах Российской империи. По данным автора, членовредительство и побеги были явлением малораспространенным. Основными механизмами уклонения от рекрутчины являлись подделка документов посредством дачи взятки должностным лицам и изменения состава семейств [Иванов 2006, 158–163].

Выводы Ф. Н. Иванова позволяют сделать два предположения. Во-первых, основные правила игры, прописанные в Уставе 1831 г., были одинаковыми для всех. В связи с этим уклонисты всех социальных и на-

циональных групп стремились избавиться от рекрутчины в основном посредством подделки документов, связанных с рекрутской очередью. Во-вторых, особые условия несения рекрутской повинности для евреев (активное привлечение несовершеннолетних, наличие специфических льгот в виде перехода в православие или занятия сельским хозяйством, а также особые квоты для общины по поставке новобранцев) порождали появление особенных, характерных в основном для еврейской общины явлений, таких как хаперы или фиктивная работа на земле.

Спротивление незаконной сдаче в рекруты

Несправедливость, царившая при проведении рекрутских наборов, вынуждала рядовых членов общины защищать себя и своих близких от произвола более богатых и влиятельных представителей общины. Самым простым и формально самым эффективным средством добиться справедливости была жалоба на имя гражданского губернатора. Иногда этот процесс происходил без эксцессов: заявитель подавал обоснованную жалобу, губернская администрация рассматривала ее и восстанавливала порядок. Именно так обстояло дело с прошением суражской мещанки Симы Биркиной. В октябре 1838 г. ее одиннадцатилетний сын Шмуйла, не состоявший на рекрутской очереди и не достигший необходимого для поступления в кантонисты возраста, был взят под стражу суражским кагалом, намеревавшимся отдать его в кантонисты [НИАБ, Ф. 1430, Оп. 1, Д. 8184]. Своевременное вмешательство властей помогло семье Биркиных отстоять свои права.

Бывали и обратные ситуации, когда на возвращение незаконно попавших в армию родственников уходили годы. В январе 1855 г. витебская мещанка Шейна Шломова Гоз подала прошение на имя витебского гражданского губернатора о незаконном поступлении в рекруты ее сына Шломо. Разбирательство не дало положительного результата, поэтому Шейна обратилась к генерал-губернатору Могилевскому, Витебскому и Смоленскому М. А. Урусову. Затем в сентябре 1857 г. она подала прошение на имя витебского губернатора Г. Д. Колокольцева. Вновь столкнувшись с непониманием со стороны местных чиновников, женщина решила обратиться в центральные органы. 17 октября 1860 г. она подала жалобу командиру Отдельного корпуса внутренней стражи В. Ф. фон дер Лауницю и, наконец, 20 октября того же года написала жалобу в III отделение Собственной Е. И. В. Канцелярии. Слова из последнего обращения витебской мещанки демонстрируют суть борьбы рядовых евреев за свои права: «Неужели простота безграмотной женщины и бедность пред деньгами и хитростью должна уступить? И этим самым правда есть ничто пред ложью? В таком случае народная пословица “с сильным не борись,

а с богатым не тянись” вполне оправдывается на самом опыте со мною!!! И эта пословица заменила народную честь и законы Государственные по своей действующей прихоти!?!». Борьба Шейны увенчалась успехом. 7 июня 1861 г. рядовой тверского батальона внутренней стражи Шломо Гоз, имевший положительную характеристику от своего начальства, был исключен из российской армии и возвращен домой [НИАБ, Ф. 1416, Оп. 2, Д. 11708].

Желая избежать военной службы для себя и своих близких, мещане порой писали жалобы на имя гражданского губернатора, описывая факты, не соответствующие действительности. В 1830 г. полоцкая мещанка Хайка Черневич пожаловалась на то, что ее мужа Хаима Кушеля забрали в рекруты в нарушение действующих законов. По словам просительницы, ее мужу на момент поступления в армию уже исполнилось сорок лет, что значительно превышало установленную законом верхнюю планку призывного возраста. Кроме того, потеря кормильца оставила Хайку одну с двумя малолетними детьми. Расследование показало, что муж Хайки на самом деле на 17 лет моложе, а детей у них и вовсе нет [НИАБ, Ф. 1416, Оп. 2, Д. 6857]. Иными словами, бедные евреи делали то же, что и рукож водство общин: пытались скрыть истинный состав своих семей. Правда, у Х. Черневич и прочих подобных просителей не было возможности фальсифицировать документы, поэтому их легко было уличить во лжи.

Необходимо понимать, что обращение с жалобой для рядовых членов общин всегда сопровождалось значительным риском. Приговоры на сдачу рекрутов утверждались местным еврейским обществом. Обращаясь за помощью к российским властям, мещанин тем самым оспаривал решение всей общины. Это не могло не вызывать негативную реакцию со стороны местного еврейского общества. В январе 1840 г. жительница местечка Чашники Малка Фидельман не смогла своевременно подать жалобу на несправедливую отдачу в рекруты ее сына Аарона из-за того, что руководство кагала распорядилось «заковать ее на три дня в железо» до окончания приема рекрутов. Лишь после того, как Аарон был передан рекрутскому присутствию, мещанка смогла подать жалобу витебскому губернатору [НИАБ, Ф. 1430, Оп. 1, Д. 8228].

Материалы фондов Витебского губернского правления и канцелярии витебского гражданского губернатора не позволяют сделать однозначный вывод о том, насколько эффективными были жалобы мещан по указанному поводу, так как число нерешенных дел превышает число жалоб, по которым был дан ответ. В целом это свидетельствует скорее о неэффективности работы бюрократического аппарата, более склонного откладывать дела в долгий ящик, а не решать их.

Следует отметить, что зачастую силовое сопротивление помогало восстановить справедливость. В августе 1828 г. витебский мещанин Давид Шепелевич, взятый под стражу для передачи на воинскую службу,

бежал из-под стражи и скрылся в городе. Администрации кагала удалось выяснить местонахождение беглеца и вторично заковать его в кандалы, однако заключение Д. Шепелевича и на этот раз продолжалось недолго. Буквально в тот же день он был вторично освобожден разъяренной толпой евреев, возглавляемой его братом Шимоном. Ш. Шепелевич угрожал представителям кагала, что если они продолжат преследования его брата, то их ждет расправа. Инцидентом заинтересовалась местная полиция, которая объявила в розыск Д. Шепелевича. Тем не менее результаты расследования привели витебского полицмейстера к заключению, что Д. Шепелевич был взят в рекруты незаконно [НИАБ, Ф. 1416, Оп. 2. Д. 6642].

Несмотря на наличие целого ряда случаев, когда мещане осмеливались применять физическую силу, чтобы избежать рекрутской повинности, подобные конфликты в Витебской губернии не перерастали в акты массового неповиновения властям. Так или иначе местной администрации обычно удавалось поставить необходимое число рекрутов в установленные сроки. В свою очередь у российских властей не было повода задействовать армию для поимки уклонистов, как это было, например, в г. Бердичеве Киевской губернии при проведении 9-го частного набора в 1851 г. [Менделевич 2016, 94].

Важным при рассмотрении проблемы уклонения евреев от рекрутской повинности является вопрос о том, как это явление воспринималось самими российскими чиновниками. Во все времена любому чиновнику следует оставаться беспристрастным и трезво оценивать ситуацию. В российском обществе XIX в. было распространено немало стереотипов о евреях. Уровень образования и толерантности чиновников нередко оставлял желать лучшего. Неудивительно, что в среде российской бюрократии под влиянием предрассудков возникали свои собственные представления о том, какими механизмами и средствами пользуются евреи для уклонения от рекрутской повинности.

В декабре 1844 г. флигель-адъютант Е. И. В. полковник В. Н. Назимов представил витебскому губернатору Н. Д. Гребницкому замечания по поводу проведения 5-го частного рекрутского набора. Чиновник высказал убеждение в том, что евреи массово заражают своих детей чесоткой, чтобы избежать рекрутчины. В связи с этим В. Н. Назимов предложил врачам, проводящим осмотр рекрутов, меньше обращать внимание на кожные заболевания у еврейских мальчиков. Соображения полковника были представлены на рассмотрение витебской врачебной управе. Медики подвергли критике теорию чиновника о массовом заражении евреями своих собственных детей. Причину массового распространения чесотки среди евреев врачи объясняли ничем иным, как бедностью и плохими условиями жизни многих еврейских семей [НИАБ, Ф. 1430, Оп. 1, Д. 11074]. Учитывая, что рекрутская повинность падала в первую очередь

на самые бедные семьи, неспособные откупиться от военной службы, мнение витебской врачебной управы выглядит достаточно правдоподобным.

В сентябре 1853 г. витебским прокурором рассматривался донос содержавшегося в Витебском тюремном замке выкреста Ивана Кржижановского о том, что 180 еврейских семейств Витебской губернии отбывали рекрутскую повинность путем незаконного найма беглых людей. Несмотря на то, что сам доносчик был неоднократно судим за поджог, кражу, побои, незаконную продажу алкоголя, использование поддельных печатей и представлялся крайне сомнительным источником информации, губернская администрация очень серьезно отнеслась к его доносу. Вероятнее всего, И. Кржижановский просто хотел выйти на свободу и поэтому пытался рассказать властям о том, что те хотели услышать, – о крупном еврейском заговоре, направленном на обман правительства. Тянувшееся девять месяцев следствие лишь подтвердило, что арестант лжет [НИАБ, Ф. 1416, Оп. 2, Д. 10201]. Тот факт, что некоторые высокопоставленные администраторы Витебской губернии рассматривали проблему уклонения от рекрутчины, руководствуясь предрассудками о существовании «еврейского заговора», позволяет предположить, что и многие чиновники низшего звена вряд ли были способны трезво оценивать данную проблему.

Выводы

Уклонение евреев от военной службы в 1827–1856 гг. является сложным историческим феноменом. Формально основным принципом раскладки рекрутской повинности был учет числа трудоспособных мужчин, входящих в семейство. На практике же руководство еврейских общин стремилось освободить от рекрутчины костяк общины и направлять на военную службу в первую очередь злостных неплательщиков.

При рассмотрении фактов уклонения от военной службы можно выделить четыре основные действующие силы: рядовые мещане, руководство еврейских общин, местные власти и центральное российское правительство. Основными фигурантами рассматриваемых процессов всегда были мещане, а главной движущей силой – их желание любой ценой избежать военной службы. На практике ведущую роль в отборе рекрутов играли руководители еврейских общин. Они обладали набором разнообразных механизмов, влиянием, связями и деньгами, которые позволяли защитить от рекрутской повинности нужных людей. Местные власти формально являлись основным контролирующим органом при проведении рекрутских наборов. Такие факторы, как коррупция, халатность и нежелание вступать в конфликт с руководством еврейских

общин значительно ограничивали роль гражданского губернатора и его подчиненных в вопросах соблюдения законности при выполнении рекрутской повинности. Центральные власти влияли на проведение набора посредством внесения изменений в законодательство, а также реагируя (или не реагируя) на жалобы, которые поступали в Сенат Российской империи и III Отделение.

Взаимодействие всех этих субъектов порождало различные механизмы и средства уклонения от военной службы. Бедные мещане из-за плохого материального положения и низкого социального статуса могли избежать военной службы в основном посредством побега и членовредительства. Зажиточные члены общины, обладающие деньгами и связями, имели в своем распоряжении целый арсенал разнообразных механизмов уклонения от набора.

Детальное рассмотрение механизмов уклонения от рекрутской повинности в Витебской губернии позволяет сделать предположение о том, что в различных регионах в черте еврейской оседлости уровень напряженности внутри общин был разным. Несмотря на вышеописанные факты, в рассматриваемый период в Витебской губернии не зафиксированы случаи убийств руководителей общин из-за намеренно неверного составления призывных списков, нет также сведений о массовом использовании вооруженных сил для организации рекрутского набора. Следовательно, острота конфликтов внутри еврейских общин здесь не достигала такого уровня, как в украинских губерниях империи.

Массовое уклонение от военной службы при проведении рекрутских еврейских наборов было неизбежным явлением. На протяжении столетий евреи жили в достаточно замкнутых сообществах и были освобождены от военной службы. Отрыв от привычного уклада и военная служба для многих представителей диаспоры были равносильны смерти. Изоциренность и жестокость, с которыми связана реализация механизмов уклонения от рекрутской повинности, во многом стали следствием деструктивной деятельности со стороны руководства еврейских общин и представителей российской администрации.

Источники

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации. Ф. 109. Оп. 3.

Д. 2316. «Донесения начальника 4 округа корпуса жандармов в г. Вильно в 3 отделение об увеличивающемся между евреями членовредительстве с целью уклонения от рекрутской повинности, о незаконном проживании евреев в деревнях, селах и корчам Могилевской губернии». 10.11.1835–01.09.1837. 16 л.

НИАБ – Национальный исторический архив Беларуси.

- Ф. 1416. Оп. 2. Д. 11708. «Дело о неправильной сдаче в рекруты еврея Гоза». 28.06.1860–03.09.1860. 267 л.
- Ф. 1416. Оп. 2. Д. 6764. «Дело по прошению еврейского общества освейского кагала о незаконном причислении Дрисненским кагалом 38 душ умерших». 3.03.1829–19.09.1835. 20 л.
- Ф. 1416. Оп. 2. Д. 6900. «Дело по рапорту Невельского уездного еврейского кагала о неправильной сдаче Полоцкими евреями Невельского мещанина Пейсиха Мовшу Пейсина в рекруты». 22.01.1831–31.10.1834. 56 л.
- Ф. 1416. Оп. 2. Д. 10708. «Дело по предложению начальника Витебской губернии о возвращении из военной службы еврея Еруховича сына Пинхоса, неправильно отданного в рекруты». 21.09.1856–24.12.1859. 156 л.
- Ф. 1416. Оп. 2. Д. 10201. «Дело по ведению канцелярии присутствия губернского правления с доносом выкреста из евреев Ивана Кржижановского о неправильном поступлении людей в рекруты». 21.09.1853–03.06.1854. 30 л.
- Ф. 1416. Оп. 2. Д. 6642. «Дело по рапорту Витебского еврейского кагала об отнятии Витебскими евреями взятого для отдачи в рекруты еврея Давида Шепелевича». 07.08.1828–13.04.1828. 38 л.
- Ф. 1416. Оп. 2. Д. 6983. «Дело по сообщению Могилевского губернского правления о высылке из местечка Янович Бабиновицкого мещанина Носона Носоновича, состоящего на рекрутской очереди». 25.08.1831–04.11.1831. 6 л.
- Ф. 1430. Оп. 1. Д. 11074. «Дело о неправильном назначении рекрут с еврейских семей». 27.12.1844–30.03.1845. 11 л.
- Ф. 1430. Оп. 1. Д. 26176. «Дело по предписанию губернатора чиновнику особых поручений Якубовскому о расследовании неисполнения 29 еврейскими семействами евреев мест. Освей перешедшими в земледельческое сословие, рекрутской повинности, переселении их на арендные земли и занятие прежними ремеслами». 26.10. 1854–8.04.1855. 4 л.
- Ф. 1430. Оп. 1. Д. 8228. «Жалоба Лепельского мещанина Фидельмана». 28.11.1839–24.01.1840. 8 л.
- Ф. 1430. Оп. 1. Д. 9811. «Дело о членовредительстве велижского мещанина Краскина, с целью избежания рекрутской повинности». 16.08.1842–23.12.1842. 54 л.
- Ф. 1430. Оп. 1. Д. 25673. «Дело по предложению генерал-губернатора о расследовании нападения на дом еврея-земледедца Красилицка в г. Витебске витебских мещан-евреев Острова, Кагана и других с целью ограбления и сдачи его 7-летнего сына в рекруты». 09.12.1853–8.02.1854. 7 л.

- Ф. 1430. Оп. 1. Д. 25695. «Дело по жалобе городецкой мещанки Лазовской на насильную и неправильную сдачу в рекруты велижским обществом ее сына, отданного в обучение портняжному ремеслу велижскому мещанину Гельперину на 5 лет». 15.09.1853–4.01.1854. 7 л.
- Ф. 1430. Оп. 1. Д. 26157. «Дело по предложению генерал-губернатора о рассмотрении чиновником особых поручений показаний витебского крещенного еврея Гельфонда и В. Штакова о злоупотреблениях О. Острова и др. при сдаче в рекруты евреев». 23.09.1854–27.09.1854. 5 л.
- Ф. 1430. Оп. 1. Д. 6599. «Дело о неправильной отдаче в рекруты евреев». 07.01.1837–30.03.1837. 9 л.
- Ф. 1430. Оп. 1. Д. 8184. «Дело по жалобе Суражской еврейки Еврикиной на неправильное взятие ее сына в рекруты по 3 набору». 01.09.1839–5.12.1839. 9 л.
- Ф. 1430. Оп. 1. Д. 9388. «Дело по жалобе витебского мещанина Абрама Козина на перемену фамилии сыну его, поступившему в рекруты». 5.12.1841–6.08.1842. 8 л.
- Ф. 1430. Оп. 1. Д. 9660. «Дело о неправильно принятом в рекруты еврея Кимальмана». 27.02.1842–02.03.1844. 49 л.
- Ф. 2606. Оп. 1. Д. 35. «Дело о производстве 5-го частного очередного рекрутского набора». 20.07.1844–29.12.1844. 111 л.
- Ф. 1430. Оп. 1. Д. 25660. «Дело по жалобе минского мещанина еврея г. Витебска Л. Фишкина на витебских евреев, напавших на дом и взятие его сына». 27.10.1853–26.08.1854. 4 л.
- Ф. 1416. Оп. 2. № Д. 11469. «Дело по рапорту Динабургского городничего правления о захвате еврейского мальчика Штейна для сдачи в рекруты». 11.11.1855–25.11.1855. 4 л.
- Ф. 1416. Оп. 2. Д. 6857. «Дело по предложению генерал-губернатора о неправильном якобы взятии мужа еврейки Черневичевой для сдачи в рекруты». 17.11.1830–30.09.1831. 8 л.
- Ф. 1430. Оп. 1. Д. 14731. «Дело о злоупотреблениях, допущенных Велижской городской думой и городским головой при назначении лиц для 7-го частного рекрутского набора». 20.10.1847–25.05.1855. 14 л.
- Ф. 1430. Оп. 1. Д. 9320. «Дело по жалобе Дрисненской мещанки Штрофовой на неправильную сдачу дрисненским еврейским кагалом ее сына в рекруты по общему набору 1840 г.». 10.04.1841–06.08.1845. 135 л.
- Ф. 1430. Оп. 1. Д. 26859. «Дело по записке лепельской мещанки Левиновой об освобождении ее мужа из тюрьмы, осужденного за торговлю еврейским мальчиком для сдачи в рекруты». 25.05.1854–09.07.1854. 9 л.
- Ф. 1430. Оп. 1. Д. 10822. «Дело об отказе в содействии командированному в Невельское рекрутское правление штабс-лекарю Котчеру для расследования жалоб на действия врача рекрутского правления». 12.11.1844–9.02.1845. 9 л.

Ф.1430. Оп. 1. Д. 20453. «Дело о самовольном разделении после ревизий 1834 г. витебских еврейских семейств и избежание рекрутской повинности». 17.08.1850–20.02.1854. 66 л.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2: с 12 дек. 1825 по 28 февр. 1881 гг. В 55 т. СПб., 1830–1884.

Литература

Барталь 1881 – *Барталь И.* От общины к нации: евреи Восточной Европы в 1772–1881 гг. М., Иерусалим: Гешарим – Мосты культуры, 2007. 264 с.

Иванов 2017 – *Иванов Ф. Н.* История Рекрутской повинности в России (1699–1874 гг.): учебное пособие. М.: Издательство «Перо», 2017. 107 с.

Иванов 2006 – *Иванов Ф. Н.* Рекрутская повинность населения России в 1831–1874 годах: на материалах Европейского Севера: дисс. ... кандидата исторических наук. Сыктывкар, 2006.

Клиер 2000 – *Клиер Дж. Д.* Россия собирает своих евреев. Происхождение еврейского вопроса в России, 1772–1825. М., Иерусалим: Гешарим – Мосты культуры, 2000. 352 с.

Локшин 2012 – *Локшин А.* Эпоха «гзейрос» в еврейской истории России: кантонисты, хаперы, пойманники // *Лехаим.* 2012. № 4. https://lechaim.ru/ARHIV/240/lokshin.htm#_ftn31 (дата обращения: 28.07.2019).

Менделевич 2016 – *Менделевич Й.* Кантонисты: еврейские дети на военной службе при Николае I: история насильственного крещения, 1827–1856 гг. М.: Б-ка Офер, 2016. 223 с.

Миллер 2006 – *Миллер А.* Империя Романовых и национализм: эссе по методологии исторического исследования. М.: НЛО, 2006. 320 с.

Петровский-Штерн 2003 – *Петровский-Штерн Й.* Евреи в русской армии 1827–1914 гг. М.: НЛО, 2003. 556 с.

Ofek 1993 – *Ofek A.* Cantonists: Jewish Children as Soldiers in Tsar Nicolas's Army // *Modern Judaism.* 1993. Vol. 13. No. 3. P. 277–308.

Penslar 2013 – *Penslar D. J.* Jews and Military: a History. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2013. 376 p.

Evasion of Jews from Conscription in the Vitebsk Governorate (1827–1856)

Philip Nekrashevich

(Minsk, Belarus)

PhD, Department of Philosophy and Ideology, Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus

E-mail: filippnekrasevic@gmail.com

ORCID: 0000-0003-3383-5007

Abstract: The article analyzes the ways and methods of evasion of Jews from military service in the Vitebsk governorate of the Russian Empire in 1827–1856. The extension of military service to the Jews of the Russian Empire in 1827 was resisted by the Jewish population. The reluctance of Jews to join the ranks of the Russian army led to the emergence of a variety of ways to evade recruitment. Particular attention is paid to the analysis of the role of the Russian administration in matters of respect for the rule of law. The research uses previously unpublished materials identified in the collections of the National Historical Archives of the Republic of Belarus.

Keywords: Jews, conscript obligation, evasion of military service, Vitebsk governorate, happens.

DOI: 10.31168/2658-3364.2021.2.03

References

- Bartal', I., 2007, *Ot obshchiny k natsii: evrei Vostochnoi Evropy v 1772–1881 gg.* [From Community to Nation: Eastern Europe Jews in 1772–1881] Moscow, Jerusalem, Gesharim – Mosty kul'tury, 264.
- Ivanov, F. N., 2017, *Istoriia Rekrutskoi povinnosti v Rossii (1699–1874 gg.): uchebnoe posobie* [The History of Recruits in Russia (1699–1874): textbook]. Moscow, Izdatel'stvo "Pero", 107.
- Ivanov, F. N., 2006, *Rekrutskaya povinnost' naseleniia Rossii v 1831–1874 godakh: na materialakh Evropeiskogo Severa: diss. ... kandidata istoricheskikh nauk* [Recruits in Russia in 1831–1874: based on Russia's European North]. Syktyvkar.
- Klier, J. D., 2000, *Rossiia sobiraet svoikh evreev. Proiskhozhdenie evreiskogo voprosa v Rossii, 1772–1825* [Russia Bring Together Its Jews. The Jewish Question Genesis in Russia, 1772–1825]. Moscow, Jerusalem, Gesharim – Mosty kul'tury, 352.

- Lokshin, A., 2012, Epokha “gzeiros” v evreiskoi istorii Rossii: kantonisty, khapery, poimanniki [The Epoch “gzeiros” in Jewish History in Russia: Cantonistry, Khapery, Poimanniki]. *Lekhaim*, 4. https://lechaim.ru/ARHIV/240/lokshin.htm#_ftn31 (Retrieved: 28.07.2019).
- Mendelevich, I., 2016, *Kantonisty: evreiskie deti na voennoi sluzhbe pri Nikolae I: istoriia nasil'stvennogo kreshcheniia, 1827–1856 gg.* [Cantonists: Jewish Children in Military Service under Nicolas I: the History of Forced Baptism]. Moscow, B-ka Ofer, 223.
- Miller, A., 2006, *Imperiia Romanovykh i natsionalizm: esse po metodologii istoricheskogo issledovaniia* [Romanov Empire and Nationalism: Essays on Methodology of History Research]. Moscow, NLO, 320.
- Petrovskii-Shtern, I., 2003, *Evrei v russkoi armii 1827–1914 gg.* [Jews in Russian Army, 1827–1914]. Moscow, NLO, 556.
- Ofek, A., 1993, Cantonists: Jewish Children as Soldiers in Tsar Nicolas’s Army. *Modern Judaism*, 13(3), 277–308.
- Penslar, D. J., 2013, *Jews and Military: a History*. Princeton and Oxford, Princeton University Press, 376.